

«В надежде объяснить и объясниться...»

В очень популярном в 1970-е годы журнале «Юность» я прочла стихи, которые меня сразу зацепили. Запомнила имя автора — Ольга Чугай. «Это же очень известный поэт», — сказали мне друзья, когда я поделилась с ними своим открытием. А через полгода мы познакомились с Ольгой уже лично. В этом году мы отпраздновали бы с ней сорокалетие нашей дружбы. Но не довелось — в декабре 2015-го мы проводили ее в последний путь.

Ольга Олеговна Чугай родилась в 1944 году в Москве. Воспитывалась в семье деда, профессора-филолога А.С. Беднякова. Возможно, именно он привил ей тонкое чувство языка, трепетное отношение к слову, к музыке стиха. Стихи Ольга писала с ранней юности. Очень интересовалась мировой историей. В 1964 она поступила на исторический факультет МГУ. Но, доучившись до последнего курса, решила не защищать диплом, а последовать совету профессора П.А. Зайончковского и профессионально заняться литературой. В 1990 году она окончила Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Она была видной фигурой в современном мире поэзии. Много занималась поэтическим переводом — с английского, чешского и других языков. Руководила литобъединением в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы, молодежной литературной студией при Союзе писателей. С 1977 по 1990 год вела «Лабораторию первой книги» при Московской писательской организации. Через эту Лабораторию прошли многие, тогда молодые, а ныне известные поэты. Думаю, еще предстоит оценить то, что Ольга сделала для поэзии как общественный деятель. Но все же, в первую очередь, она была замечательным поэтом. При жизни она

***

Ольга Чугай помогла многим молодым поэтам, она, действительно, любила им помогать. Среди молодых был тогда, в 1970-е годы, и автор этих строк, а еще Игорь Иртеньев, Пётр Краснопёров, Денис Новиков, Ян Шан Ли и другие. А также хорошо известная Барнаулу Наталья Николенкова, которую Ольга выделила среди других на совещании молодых литераторов в Алма-Ате в 1987 году, и потом цитировала ее строчки московской компании стихотворцев.

Ольга Чугай любила дарить друг другу поэтов. Она совершенно лишена была творческой зависти, не любила интриг и интриганов.

Ведь что такое была «Лаборатория первой книги»? На занятиях важным было взаимодействие и соотнесение современных опытов со многими традициями — все это составляло литпроцесс. Здесь естественно дышали воздухом свободы, и это рядом с капищем несвободы, когда Ходасевич, Клюев, Мандельштам, Георгий Иванов выходили в самиздате.

Атмосфера Лаборатории привлекала многих молодых литераторов, а создавала ее во многом Ольга Чугай. Я познакомился с ней в период, когда она была увлечена творчеством фольклорного ансамбля Дмитрия Покровского. В то время Чугай очень серьезно пропагандировала туркменское народное искусство.

Творчество самой Ольги Чугай было образцом для молодых поэтов. Ее поэзию отличает глубокий лиризм, совершенство формы, тончайшие переливы слова, сдержанность и строгая дисциплина, хороший вкус и широкий диапазон.

Иван ЖДАНОВ

опубликовала два сборника стихов: «Судьба глины» (1982) и «Светлые стороны тьмы» (1995). Это, конечно, не считая многочисленных публикаций в периодике.

Стихи Ольги Чугай — это таинственные сигналы из неведомой области, таящейся за грубой скорлупой обыденной реальности. Она обостренно чувствовала, как «Незримо кружат возле нас // Неведомые сферы, // И незаметные для глаз // Вселенные живут». Обращалась ли она к прошлому или к настоящему, писала ли о Средней Азии или о Москве, она все время ощущала «шелестенье // Неведомого мира под ногами». Очень часто обращалась к теме детства, когда маленький человек еще ощущает свое родство с миром растений, животных и даже предметов. Такие стихи писались «В надежде объяснить и объясниться // На языке, утраченном давно, // Забытом в детстве, с детством заодно». Но не только детство человека, но и детство человечества завораживало взор поэтессы:

*На ладони большой пустыни
Золотой тонколицый мальчик
Детство первых людей танцует...*

Хорошо зная мировую историю, она особенно интересовалась архаическим периодом. Она воспринимала времена и эпохи, как бы из некоей вневременной точки. Хотя всегда была в гуще событий, окружена людьми. Особенно любила помогать молодым поэтам. Но даже сквозь те строки, которые она посвящала современности, бытовым аспектам жизни, проступали отблески иного, нефизического пространства.

Нина ГАБРИЭЛЯН

***

Только в песне настоящей,
Обрываясь и дрожа, —
Этот признак холодящий,
Словно лезвие ножа.
Вон из плена рвётся слово,
Прочь на волю рвётся звук,
Рыба дразнит рыболова
И река бежит из рук.
Не поймать на уговоры,
На посулы, на испуг —
Тайный смысл сдвигает горы,
Не пугаясь тайных мук.
И бредёт в траве по поясу
Без дороги — наугад —
То ли песня, то ли повесть,
Сложенная жизнь назад.

***

Столько было дано.
Остаются слова,
Шелестя, как трава,
Трепеща, как листва.
Остальное — postmortem.
Целой жизни голова —
Ты всему голова,
Голой правдой права.
Остальное — посмотрим.
Столько было дано?
Берег, тёмное дно,
Небосвод фиолетово-синий,
Чёрных веток разбег,
Засыпающий снег
И торжественный ёлочный иней.
Карусель суеты,
Золотые мосты
Между нами в бессонной тревоге.
Сердце с сердцем на ты
Среди вечной тщеты
Обретенья покоя в дороге.
То, что жизни длинней,
Стало целью моей.
Долечу — остальное посмотрим.
Кто за словом придёт,
Кто в пути пропадёт?
Жизнь права —
Остальное — postmortem.